

Дмитрий Михайлович Володихин
Тихая тень

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=171152

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

3

16

Дмитрий Володихин

Тихая тень

Стоящих людей прошу преодолеть естественное омерзение от моего текста. Перед пустотниками извиняюсь. Впрочем, они должны быть благодарны за относительно точную, по-моему, передачу некоторых интимных подробностей их творческого бытия. Борцам за идеалы просвещения и прогресса читать ниже эпитафия не советую. Зачем портить себе настроение?

Автор

Сегодня я хочу поговорить с вами об одном человеке. Лично для меня он не слишком приятен. Должно быть, по той причине, что очень похож на меня. Точнее, на меня прежнего, каким я был лет двенадцать назад, и каким он сумел остаться на всю жизнь. Впрочем, и это будет не совсем точно. Двенадцать лет назад я мечтал жить так, как ему удастся жить. Сейчас я не таков, да и мечтания у меня совершенно иные. Но нет-нет, да и вплетется в мои сны ниточка его настоящего. Его тихий дрейф по нашему миру воспринимается мною как пребывание в материнской утробе. Тепло, нетревожно, безопасно, даже как-то насладительно.

И невозможно в реальности нашего мира. В последнее время я задумываюсь: так ли уж невозможно? Если бы я тогда, двенадцать или пятнадцать... или шестнадцать? словом, что-то в этом роде лет назад не был уверен в полнейшем отсутствии шансов прожить свою биографию именно так, возможно, я не начал бы движение в совершенно противоположную сторону. Разумеется, невероятно маловероятно – проецировать судьбу в утробе. Или как в утробе. Сравнимо с утробой. Поэтому я напряг волю и родился. Я вылез в мир, где полным-полно веселья и боли. Многие люди так до конца жизни не решаются на такой шаг – родиться. Требуется сознательное усилие воли. Эти самые многие высовывают головку или даже совсем выбираются наружу, но не желают перерезать пуповину. Не то, что бы я осуждал их за это. Напротив, скорее они с высоты собственного комфорта могут поглядывать на меня с оттенком безобидного превосходства. Просто я сделал так, что стал быть сделан из другого теста. Я перестал их понимать, я ушел от них очень далеко. И бесконечно далеко я ушел от тех немногочисленных счастливых, которые сумели остаться в утробе. Надо иметь отвагу, решаясь в один прекрасный день прожить собственную жизнь. Быть, оценивать, делать кое-что новое, приобретать и, конечно, терять. Покуда ты живешь, ты почти всегда неправ. Если ты не начал жить, ты не можешь быть прав или неправ, ты просто реагируешь на окружающую среду. Холодно. Плачу. Закутали. Тепло. Тяну руку. Круглая, гладкая, красная, гремит.

Хорошо. Смеюсь... Так вот, я столь давно решил жить, что для меня сейчас имеют смысл такие слова как государство, экономика, социальный строй, история, изящная словесность, Бог и дьявол. Когда произносишь такие слова среди не-родившихся или почти не-родившихся, можно вызвать ироническую улыбку на внутренней стороне лица, невидимое презрение или очевидное раздражение. Скорее всего, от тебя попросту отойдут подальше. Ты – в жизни, а они – за ее пределами. Ты вовлечен, а они пребывают в отстраненности. Для тебя мир – гуща с пузырьками пустот, а для них – пустота со сгущениями островков смысла. Я им немного завидую, да, это правда, я немного завидую им, но я их не люблю. Я возможен без них, а они без меня – нет. Впрочем, это их совершенно не беспокоит. Для них все не так уж важно. Да и нелюбовь мою, пожалуй, не стоит преувеличивать. В сущности, она совершенно неагрессивна. Это мирная, спокойная нелюбовь, мы можем существовать одновременно, нимало не обижая друг друга... Знаете, если бы у меня была возможность жить так, как живет обитатель всех следующих абзацев, кроме последнего, я бы отказался. Сейчас мне уже так не надо. Почему? Возможно так: научившись плавать, скучно стоять на берегу. Или так: я сделал свою ставку в одной очень большой игре, мне хочется досмотреть ее до конца. Лучше сказать, доучаствовать до конца...

...Отпирая дверь в свое убежище, я всякий раз испытываю тошнотворный испуг. Наверное, мне уже никогда не избавиться от него. Я смутно представляю себе множество страшных вещей. Самый безобидный вариант: сломается ключ. И попросту замок не послушается ключа и откажется от собственной отпирающей функции. Между ключами и замками регулярно исчезает минимально пространство отторжения, они вступают (притом, заметьте, принудительно!) в интимнейшие отношения. Это не может не вести к семейным ссорам. Всякая любовь, если таковая и существует, способна пережить хотя бы несколько лет, только при одном условии. Она должна быть на девять десятых дистантной. Иными словами, партнеры встречаются не более одного дня из десяти, вволю испытывают счастье, с нетерпением ждут и т. п. Я бы не выдержал и трех суток подряд рядом с одним и тем же человеческим существом. Разумеется, мы вступаем в осознанный компромисс, когда некто оказывается на нашей территории, в опасной близости от (самого) тела; мы подавляем два естественных инстинкта: немедленно вытолкнуть агрессора или, что более очевидно, убежать. И, разумеется, компромисс позволителен далеко не всегда. Либо некуда деваться (и это ужасно!), как, например, с родителями. Либо есть ощутимые выгоды. Но и выгод еще мало. Следует всту-

пить с партнером по взаимодействию в своего рода, извините, переговоры. Добиться гарантий собственной безопасности и, главное, точно определить, сколько все это продлится и в какой момент закончится.

Так вот, я уверен, что ключ и замок не успевают вступить в переговоры. Я даже не знаю, существует ли между ними любовь. Очень может быть, их ситуация проходит по разряду «некуда деваться». Вынужденный, если позволите, контакт. А это исключительно некомфортно, особенно, видимо, для замка. Ведь это именно ключ – ярко выраженный агрессор. Не по своей, конечно, воле, но факт есть факт... И замок, как вы, наверное, понимаете (если, конечно, у вас есть желание не спорить со мной; за подобное желание я был бы искренне благодарен), однажды может «заискрить». Не все же ему напрягаться! Не пустит ключ в себя. Ну не пустит, и все. Без каких бы то ни было видимых причин. Или не повернется, куда следует: еще того хуже и еще того непонятнее для людей, которые всю жизнь не имели ничего общего с бытовыми железками. Или внятная версия: ключ сломался, а из отверстия опасно щерится металлический обрубок. У меня на этот случай припасено два запасных ключа и, конечно, плоскогубцы. Без них я просто не выхожу из убежища. Некоторые назовут, возможно, подобный образ действий интеллектуальной эквилибристикой, а громкий человек прямо заговорит о паранойе. Но я полагаю, я надеюсь, найдутся и те, кто поймет и одобрит подобного рода предусмотрительность.

Гораздо хуже, если мне не удастся вытащить обрубков и придется искать какого-нибудь неандертальского слесаря. Можете себе представить: я и такое... скопление brutальных железяк, трубок, мачо. Если вы понимаете, о чем я рассказываю (совершенно не желал оскорбить вас началом предложения в условном ключе, просто я осознаю собственную невнятность), то вы легко почувствуете, сколь огромным коммуникативным штормом окажется для меня ситуация со слесарем. Слесарь... весь в черно-звонящих мотивах, нечто от марша Родомеса вперемешку со мыслообразующей константой всех гимнов на свете, плюс балалайка и привкус выпивки (я не пью).

Но и слесарь еще вполне терпим. Я запасся для названной экстремалии телефонной карточкой (вызвать пролетария), в паспорте к обложке у меня наклеены некоторые необходимые телефоны, в том числе и слесарский. Деньги конечно. Сто пятьдесят рублей – кажется, должно хватить с избытком. За последние четыре года не было случая, чтобы я вышел без карточки, паспорта, денег.

А ведь может случиться и кое-что многократно худшее. Вернувшись из внешнего мира, я обнаружу убежище занятым старыми хозяевами. Настоящая катастрофа. Не уверен, хватит ли у меня дерзости выпросить мои вещи. Даже компьютер. Боюсь, я довольно долго буду расхаживать в отдалении и смотреть, смотреть, привыкая к этим людям, не решаясь подойти. Допустим, я подойду... что говорить? Как

им объяснять? А если они разозлятся на меня? Легче было б сесть на газонный бордюрик и ждать, покуда кто-нибудь из них сам не обратится с вопросом... В целом, признаюсь честно, я до такой степени не хочу думать об этом, что построил в своем сознании род стены между текущим я и темой вторжения. Как-то выходит само собой: нахожу оккупантов у себя в убежище, нечто происходит, и после нечто я оказываюсь у родителей, с вещами. Дальше, может быть, где-нибудь отыщутся деньги, и мне снимут квартиру. Потому что я давно отвык от тех колоссальных объемов терпения, которые потребны для жизни с родителями. Опять-таки, просто не представляю себе... Вам это должно быть знакомо. Видимо, на разных уровнях понимания и сочувствия, но вам это, скорее всего, знакомо. Если вы, конечно, не родители. А если все-таки родители, пожалуйста, не обижайтесь. Мои слова можно интерпретировать очень многозначно.

Наконец-то! Поддалось Тяжелая металлическая дверь скрипнула в сторону и бумкнула у меня за спиной. Я немедленно запер ее со всем тщанием изнутри. Вот, я дома, в своем убежище. Влажное, ватное и приятное чувство. Бело-розовые тона. Полная защищенность. Авторизованная мною территория. Это маленькое двухкомнатное помещение внутри опоры моста. Не той, которая шагнула в воду, а той, которая еще на берегу. Отец одного моего знакомого работал в каком-то непостижимом мостонадзоре; тогда здесь brutally пили и как-то трудились (чем занимаются мостонадзор-

цы? бог весть.). Государственную организацию, которая ведала местными мостонадзорскими делами, смертельно покалечило ветрами перемен. Наверное, даже что-то происходило с зарплатой, так что люди перестали ходить сюда для труда. Некоторое время отец моего приятеля еще использовал утаенный служебный ключ, поддерживая континуитет традиционных возлияний. Затем он переместился в пространстве на далекое расстояние и подарил заветный ключик своему сыну – умному, спокойному и неуверенному человеку. Тот высоко оценил локальную защищенность места и поставил здесь целую серию опытов со своей сексуальной партнершей. Один или два раза он приводил меня сюда, чтобы предаться медитативным беседам в полной темноте и под завывание ветра внешнего мира. Секс в его жизни (как, вероятно, и в моей) не был чем-нибудь значительным. Добрый мой знакомый получил переливчатое и весьма оригинальное чувство секса. По его словам, секс – нечто среднее между заболеванием и азартной игрой. Порой он удивлялся, как все это вообще у него получается. После непродолжительных опробования новых эксцентрических состояний он, что вполне естественно, решил отказаться от столь энергозатратного коммуницирования. Сейчас, после знакомства с Лидой, я во многом готов согласиться с его мнением, хотя мое собственное чувство секса украшено более гармоничной нюансировкой; быть может, за счет эксклюзивной неагрессивности моей партнерши? Вот всяком случае, мой

секс – радужнее. Тогда, шесть лет назад, я не имел никакого сексуального опыта... Итак, знакомый оставил эту сферу проживания биографии, да и возжелал вовсе выбросить ключ, оберегая себя тем самым от соблазна рецидива. Узнав об освобождении территории, абсолютно отрезанной от коммуникационных густот внешнего мира, я проявил неожиданную для себя самую активность. Оказалось, я способен становиться источником суетливой экстраверсии! Я выпросил у него ключ, заодно гарантировав полнейшее невмешательство в мое будущее здесь житье. Отсутствие ключа и данное мне обещание гарантировали его от возобновления внятной сексуальной деятельности. Гарантировали не хуже воды речной (туда он намеревался погрузить ключ). Через трое суток после того, как заветный артефакт достался мне, приятель мой странным образом погиб. Не помню уж, простите, каким способом растворил его внешний мир. Нечто необычное и крайне неприятное. Даже мистическое. Неважно. Сейчас – важно. Порой мне приходят в голову размытое ощущение предначертанности. Ему было туманом написано передать ключ, а мне луной на воде вывели – принять его. Он исполнил свое; мой урок еще длится.

В ту пору я проделал десять или двенадцать резких телодвижений. Простите мою энергию и неопрятность! Полагаю, стоит кое-чем заплатить за случай, продвигающий состояние жизни в сторону успешности. А мне хотелось укоренить здесь свою жизнь надолго. Вот мои две комнаты. Сейчас они

– уютное продолжение моего тела. Тогда они были выгодной территорией. . . но угловатой, ребристой, шершавой, как прииск, где могут открыть в равной степени и золото, и напрасную растрату усилий.

Прежде всего я занялся единственным окном. Прозрачное стекло с решеточкой показалось мне ужасно ненадежной преградой от вторжений со стороны внешнего мира. Ведь поднявшись на цыпочки, рослый человек получал возможность *наблюдать за мной извне!* Разумеется, я закрыл его куском фанеры, оставив лишь две щелочки для солнца. По вечерам я накидываю на фанеру старое полотенце, оно полностью закрывает дырочки, и ни одна живая душа не видит света в моей келье.

Я уговорил родителей отдать мне в вечное пользование несколько старых вещей: кое-что из постельного белья, посуды, лекарств, прочей мелочи, а также бессмертный холодильник «Саратов», электрическую плитку гомеровского периода, безобразную кровать с дачи и, что важнее всего, настольную лампу (извините за бесцеремонно долгое перечисление; совершенно не хотел напрячь вас). В обеих комнатах обитает полное отсутствие абажуров, люстр, неоновых ламп и т. п. Все намного проникновеннее: с потолка свисают два электрических провода, на конце – патроны, в патронах прочно угнездились стеклянные кругляки. Читать или работать на компьютере при таком освещении совершенно невозможно; появление настольной лампы, таким образом,

естественно. Когда она не служит мне и отдыхает, к комнатам длятся, длятся и длятся сумерки. Днем в полную темень через щелочки проникает чуть-чуть солнечного света. Ночью стеклянные кругляки чуть-чуть разреживают мрак. Иногда я сам себя ощущаю подобием кругляка, ввернутого кем-то в патрон. Поверьте, я комфортно ощущаю себя в окружении тьмы и хаоса. Я не желаю светить сильнее, или, упаси боже, греть. Проблема состоит в моей хрупкости. Любое внезапное вторжение извне может оказаться губельным. Вечные сумерки приятны моей душе. Она расплывчата, расплывчатые и они. Она не имеет никаких четко очерченных границ, границы размыты и в них. Она свободно плавает в хаосе, о хаосе вещает и их бесплотный голос. Здесь, на моей территории, пять столетий бурного и неблагозвучного гения науки оседают пылью. Все их шумное шествие обращается в ничтожно малую величину. В моих сумерках много оттенков. То я вижу себя каким-нибудь ожесточившимся шлисельбуржским узником. То средневековым магом на покое. То Диогеном, запалившим жалкую свечку в бочечных стенах, опасаясь и одновременного вождедея пожара, самосожжения. То я труп, оживший ненадолго в фамильном склепе и торопящийся вновь вернуться в сон... Вот моя судьба: изящно изошренное предсмертие, немного кандальное, но пленительное в своей вычурности.

Больше всего на свете на свете я люблю лежать на диване с закрытыми глазами и смотреть в потолок. Более половины

того, что не принадлежит сну, я провожу именно таким образом. Состояние сна – мой идеал. Прошу прощения, до чего же твердо и громко сказано! Наверное, лучше будет вот так: мне кажется, лучше всего спать или изо всех сил уходить в состояние, мало отличающееся ото сна. У меня бывало чувство сна как музыки, специально написанной для еще не родившихся детей. Мелодия сна успокоительно звучит из внешнего пространства, да к тому же смягчается плотной стенкой материнского живота. Разве мог я свободно предаваться любимому занятию в родительском доме? О, там такая густота насильственного коммуницирования... За год до обретения мною убежища в мою комнату подселили старшую сестру матери – настоящую развалину, оставшуюся по жизни в совершенном одиночестве. В свои 58 она выглядела на семьдесят, ее непрерывно одолевали хвори и недомогания. Она мало вставала с постели, компенсируя неподвижность тела безудержной подвижностью языка. Вы поймете мое состояние. Скажем, я готовлюсь к сессии, а она со своей лежанки осыпает мою бедную голову нескончаемыми бомбовыми коврами бессмысленных вопросов. Зачем ей было узнавать хоть что-то о моей жизни? Я не люблю отвечать на такие вопросы. Все они – микроагрессия. Даже узнав кое-что, она не унималась и продолжала, продолжала, продолжала... скоро забывая и то, что узнала. Я научился молчать на протяжении многих часов. Она обижалась, кричала, жаловалась родителям. А те, в свою очередь, во всем обвиняли

мое черствое сердце; я не умел объяснить им: не я виновен, а она, она – опасный чужак на моей территории. Это превратилось в жестокую игру. Ей непременно требовалось заставить меня произнести хотя бы междометие, выстроить на нем целую философскую систему и вынести приговор. А я молчал. И так – много сотен раз. Она чувствовала себя триумфатором, когда я выскакивал из комнаты, хлопая дверью с такой силой, что с полотка падали маленькие кусочки штукатурки. Я обретал волю на несколько часов, но рано или поздно оказывался в перекрестье недобрых взглядов моих родителей. Благо, если эта неугомонная женщина засыпала. Но и во сне она ухитрялась вредить мне. Ее рот выводил такие причудливые сипы, хрипы, храпы и побулькивания, что я вновь терял способность к простому сосредоточению. Иногда ей приходилось на несколько недель переходить от хождения в уборную к сидению на горшке. Мало того, что я при этом обязан был покидать комнату и скитаться по квартире, в тесном объеме еще долго плавал запах ее экскрементов и мочи. Опасаясь простудиться, она не любила проветривать комнату... А здесь, в опоре моста, мне очень хорошо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.